

НУРБУЛАТ Э. МАСАНОВ

Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия

I. Проблема типологических исследований относится к числу наиболее сложных проблем в социальных науках вообще и в изучении подвижных форм скотоводства, в частности. Естественно, что если речь идет о выявлении единых и универсальных принципов номадизма, а не о схоластическом споре по терминологическим вопросам проблемы.

В этой связи, прежде всего, необходимо типологически дифференцировать подвижные формы скотоводства от неподвижных, стационарных и седентарных форм. И главное отличие здесь состоит в том, что в первом случае скот либо в течение всего года, либо в течение отдельных сезонов доставляется к естественно-кормовой и водно-ресурсной базе и вся логика развития всего общества определяется важностью поиска кормов и воды, и необходимостью доставки скота к ним.

В этом случае экологические факторы сезонности урожайности и зональности растительного покрова вкупе с цикличностью климатических условий, общего баланса увлажненности, распределения солнечной радиации, наличием и степенью минерализации водных источников, а также присутствием прочих естественно-природных ресурсов диктуют и определяют динамику и характер передвижений кочевников-скотоводов, а также всего механизма хозяйственно-культурного функционирования. Иначе говоря, кормовых и водных ресурсов так мало и они так дисперсны и сегментированы, что их нельзя никак использовать иначе, как только посредством доставки скота к ним.

Во втором случае кормовых ресурсов, наоборот, так много и они настолько сконцентрированы в одном месте, что вполне возможна и наиболее рациональна их заготовка и доставка к месту локализации скота, а вода вообще не отно-

сится к числу дефицитных ресурсов. В этом случае логика общественного развития принципиально отличается от логики развития подвижных форм скотоводства. Вследствие этого сильно разнятся также время и объем трудовых затрат, направленных на обеспечение скота кормовыми и водными ресурсами, а поэтому отличаются организация всего комплекса общественного производства, формы социальной организации, структура социальных отношений.

Способы утилизации природных ресурсов в обоих случаях принципиально отличаются. В первом случае утилизация ресурсов среды обитания осуществляется с помощью биологического средства — скота, тогда как во втором случае — с помощью небологического средства — мотыги, косы-литовки, серпа, лопаты и т.п.

Отсюда фундаментальное отличие в том, что если в условиях номадизма общество по отношению к ресурсам среды обитания как во времени, так и в пространстве императивно зависимо и пассивно, возможности человека влиять на среду минимальны, а любые его действия в сфере хозяйства и культуры подчинены лишь выработке адекватных механизмов адаптации, то во втором случае — общество гораздо более активно, относительно независимо и имеет значительно большие возможности самостоятельно регулировать качественно-количественные характеристики кормовых ресурсов посредством обеспечения и организации оптимального объема затрат труда.

II. В свою очередь, в рамках подвижных форм скотоводства необходимо прежде всего дифференцировать кочевничество и пасторализм. Кочевничество в своем классическом виде представляет собой типологически активную адаптационную систему круглогодичного функционирования по-

средством активного поиска кормовых и водных ресурсов, а также других благоприятных природно-климатических условий. Важнейшей характеристикой номадизма является то, что в процесс передвижений и уход за скотом вовлечено практически все человеческое сообщество кочевников, а абсолютно наибольшая часть трудового времени и трудовых усилий затрачивается на обеспечение скота кормами и водой.

Пасторализм содержательно и принципиально отличается от номадизма, как нам представляется, двумя главными характеристиками. Во-первых, тем, что в процесс сезонных миграций может быть вовлечено не все человеческое сообщество, а только лишь какая-то его часть — преимущественно мужчины и юноши, а оставшаяся часть — старики, женщины, дети, больные и т.п. — могут вообще не принимать участия в сезонных миграциях. И, во-вторых, тем, что миграции номадов носят круглогодичный и перманентный по сути характер, тогда как пасторалисты вовлечены в процесс передвижений — лишь локально, периодически, спонтанно и только в отдельные периоды года.

Отсюда глобальные различия в степени активности и подвижности скотоводческого населения, а, следовательно, в принципах ведения хозяйства, функционирования культуры и менталитета, мобильности всей системы общественных отношений и образе жизни. Номады — образуют целостный перпетуум-мобиле, тогда как пасторалисты — всего лишь сезонный сегмент седентарного по сути общества.

У кочевников — в наличие переносные жилища и постоянно сменяемые поселения, совпадающие с местами выпаса скота и локализации водных источников. Тогда как у пасторалистов — переносные жилища как всего лишь сезонный сегмент седентарного образа жизни. Большая часть населения ведет седентарный образ жизни и постоянно проживает в стационарном поселении. Естественно, что между этими двумя полярными формами подвижного скотоводства могут быть сотни переходных форм, но типологически концентрирующихся на двух основных полюсах типологических форм скотоводческого хозяйства.

Возможно наиболее важными показателями типологических различий в формах скотоводства являются комплексность типа хозяйства и образ жизни его носителей. Прежде всего, чем более комплексный и многосоставной характер носит тот или иной тип скотоводческого хозяйства, тем больше оно тяготеет к седентарному типу хозяйства и образу жизни. И, наоборот, чем менее комплексный и более односторонний характер носит

скотоводческое хозяйство, тем ближе оно — к чисто номадному типу.

У номадов образ жизни человека полностью подчинен логике развития скотоводства, процессу выпаса скота и поиску водных и кормовых ресурсов. Скот является целью и смыслом жизни человека, он порабощает номада и адаптирует всю его культуру и хозяйство под жизненный цикл воспроизводства животных. Скот является целью экономической активности и общественно-политической деятельности, личностных амбиций и форм социальной организации общества.

В этой связи тонкий знаток кочевого быта А. Букейхан не без юмора заметил о наиболее номадизированной части казахов рода „адай”: „Адай занимается скотоводством и скотом порабощен до такой степени, что не скот нужен адаю, а сам адай живет лишь для того, чтобы пасти, поить, караулить от конокрадов и волков... свой скот” (Букейхан 1927: 72). Отсюда и отношение к скоту, когда даже голод не является аргументом для его забоя. Отсюда стремление номадов любыми средствами увеличить его численность, перманентная тяга к его отгону и краже у соседей и любых других номадов.

У пасторалистов же скот является всего лишь способом достижения общественных целей, способом удовлетворения экономических и прочих личных и социальных интересов. Жизнь более разнообразна и многогранна и скот в этой жизни лишь одна из сфер интересов, не покрывающая в полной мере все жизненные ценности и интересы. Скот является важной компонентой жизни пасторалистов, но он не исчерпывает всей ее полноты.

III. Для того, чтобы в наиболее адекватной форме понять типы скотоводства необходимо предварительно рассмотреть типологию самого кочевничества. Существуют типологические схемы, основывающиеся на дифференциации номадов по типам жилища (переносные, стационарные, оседлые и т. п.), по продолжительности и направленности кочевания (меридиональное, вертикальное, широтное и т. п.), по видовому составу стада (наличие или отсутствие крупного рогатого скота, доля лошадей и т. п.), по характеру хозяйственных занятий (наличию или отсутствию земледелия и т. п.) и т. д. В итоге наличие или отсутствие всех этих свойств чаще всего совершенно произвольно подводится под понятия „кочевого”, „полукочевого”, „полуоседлого”, „оседлого” хозяйства. Встречаются и попытки создания диахронной типологии по видам кочевания: таборное, яйлажное и т. п. (Грязнов 1955; Толыбеков 1959;

Плетнева 1967; 1982; Хазанов 1975; Шилов 1975 и др.).

На наш взгляд, в основу типологии собственно кочевого хозяйства должен быть положен комплекс таксономически наиболее значимых и однопорядковых категорий. Очевидно, что в основу типологической дифференциации должен быть положен признак-условие, в наиболее последовательной форме отражающий процесс труда и в наибольшей степени влияющий на систему материального производства, а, следовательно, на все стороны жизнедеятельности кочевого общества.

Процесс труда основывается прежде всего на использовании и преобразовании человеком естественно существующих предметов и средств труда, образующих условия процесса производства, а в аграрных обществах — и средств производства, составляющих основу производительных сил и определяющих характер и направленность развития производственных отношений. Вследствие этого очевидно, что особенности и специфика процесса труда порождаются в доиндустриальную эпоху окружающей средой и ее предметами.

В аридной зоне главным условием жизни растений, животных, человека, всего органического мира является вода, поскольку течение и ход всех физиологических процессов определяются водой. Вода является источником химических элементов, средой, обуславливающей биохимические процессы, она определяет деление и рост клеток, фотосинтез, дыхание, теплорежим, в конечном счете составляет подавляющую часть веса животных и растительных организмов.

Исключительная и определяющая роль воды как всеобщего и универсального условия жизнедеятельности живой материи, тем более в аридной зоне в условиях засухливости и ее нехватки, обуславливается тем, что ни одно биологическое существо не может существовать без воды. В безводных пространствах возможно лишь ограниченное по времени — времени суток, сезону года — пребывание людей, но постоянная деятельность человека практически невозможна, ибо потери в водном балансе любого живого существа приводят к необратимым последствиям. Так, например, при температуре 40–43° у людей, получавших в сутки 1,5 л воды, безопасные сроки автономного существования ограничивались двумя сутками. После этого процесс обезвоживания развивался настолько интенсивно, что увеличение суточной нормы воды до 3,5 л оказывалось недостаточным для предотвращения дегидратационного изнурения. Когда водопотери превысят 10% от первоначальной массы тела, то наступает водное истоще-

ние, которое при температуре воздуха свыше 30° и дегидратации 15% от массы тела приводит к летальному исходу (Волович 1983: 106 – 107).

Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство имело место лишь в аридных зонах, то именно наличие водных источников определяло самую возможность существования номадизма, ареал его пространственного расположения и посезонно-временного функционирования. И поскольку вода — главный лимитирующий фактор жизни человека (Одум 1975: 157), материальная субстанция номадного хозяйства, то мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий и универсальный признак-условие — систему водообеспечения и водоиспользования. Тем более, что наибольшая часть трудовых затрат в аридной зоне расходуется на обеспечение скота водой (Чогдон 1980: 105). В этой связи следует заметить, что лишь немногие исследователи указывали на важную роль системы водообеспечения для типологии хозяйства номадов (Капо-Рей 1958; Басилов 1973 и др.).

При этом следует учитывать, что водные ресурсы достаточно разнообразны по своей природе, следовательно, различны и формы организации процесса водопользования. Иначе говоря, имеет место сопряженность данной всеобщности с ее дифференцирующими свойствами, которые порождают пространственную специфику. Основными источниками воды являлись ресурсы поверхностного стока, т. е. реки, озера, болота, ключи, карасу и т. п., и грунтовые воды. Использование снега носило кратковременный характер — в среднем 15 дней для верблюдов, 10 дней для лошадей, 20 дней для мелкого рогатого скота и 2 дня для крупного рогатого скота (Ищенко и др. 1928: 66), поскольку из-за отсутствия в нем минеральных солей его потребление приводило к обезвоживанию организма, потере живого веса и недостаточному восстановлению энергетических затрат в процессе тебеневки (Чогдон 1980: 172).

Очевидно, что ни один из указанных типов водоисточников не являлся единственно возможным. Номады стремились использовать все типы водных ресурсов, весь потенциал среды обитания, но существовали значительные посезонные отличия в характере водоснабжения. В наибольшей степени на организацию системы материального производства влиял характер использования водных источников в период кочевания, т. е. в теплое время года (6 – 9 месяцев). В свою очередь, для некоторых групп казахов и почти всех монголов цикл миграций охватывал весь календарный год (Певцов 1951: 110 и др.).

В этой связи прослеживается два основных типа водопользования: преимущественно естестве-

ного и преимущественно искусственного. Первый из них в Центральной Азии имел место, главным образом, в степной и лесостепной зонах, предгорных и низкогорных районах, на альпийских и субальпийских лугах, сравнительно хорошо обеспеченных поверхностным стоком.

Подпочвенные, грунтовые воды использовались человеком посредством искусственных сооружений — колодцев — самой разнообразной глубины от 1 – 2 до 5 – 10 м, а в редких случаях до 50 – 100 м (Толыбеков 1971: 84 – 86; Гельдыханов 1973: 75 – 79; Оразов 1979: 30; *Хозяйство ...* 1980: 68 – 70; Пуляркин 1982: 148 и др.). Именно грунтовые воды зачастую, особенно в пустынной и полупустынной зонах, являлись основным водосточником, позволявшим человеку освоить крайне скудные пастбищные ресурсы (Объедков 1986: 92; Зайчиков 1974: 70; Пуляркин 1982: 148; Радченко 1983: 34 и др.).

Вследствие этого, как нам представляется, можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования. Тип искусственного водоснабжения имеет место в аридных районах, характеризующихся почти полным отсутствием поверхностного стока. Этот тип природопользования позволяет людям осваивать сверхзасушливые районы, которые не могут быть использованы человеком с помощью других видов хозяйства. Кочевание этих номадов базируется на сравнительно равномерной сети водных источников искусственного происхождения, оптимальное расстояние между которыми не должно превышать 10 – 20 км (Ищенко и др. 1928: 68 – 70 и др.), а минимальные запасы воды должны быть достаточны для суточного обслуживания 200 голов крупного рогатого скота (Ищенко и др. 1928: 69 и др.) либо 500 – 600 овец.

Для освоения подземных водоносных горизонтов необходимы немалые затраты совокупного общественного труда, а следовательно, тесная кооперация трудовых усилий некоторой группы непосредственных производителей — общины. Объем трудовых затрат зависел от расположения подземных вод и качества почвы „Мелкие колодцы обыкновенно вырываются в несколько часов. Колодец глубиной в 4 м два человека могут вырыть на мягких породах, при усиленной работе, в 4 часа”. Более глубокие колодцы с укрепленными камнем стенками строились в течение одного-двух, а иногда и более, теплых периодов (Ищенко и др. 1928: 65 и др.). При этом целесообразность создания искусственного водосточника определялась направленностью маршрутов кочевания, качеством растительного покрова и многими другими факторами.

Не менее трудоемким процессом, требующим совместных трудовых затрат, являлось поддержание колодцев в функциональном состоянии, поскольку стенки колодцев постоянно обваливались и обсыпались (Полетаев 1875: 2 – 3 и др.), а сами колодцы нередко усыхали и загрязнялись. Поэтому продолжительность использования большинства колодцев носила посезонный характер (Пуляркин 1982: 148 и др.). Каждый год, приходя на сезонные пастбища, кочевники первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы (Бларамберг 1848: 24; Турсунова 1977: 15 и др.).

„На пути кочевки — свидетельствует А. Букейхан — каждая скотоводческая община очищает старые колодцы или роет новые, а на летовке всегда роют новые колодцы глубиной 4 – 8 аршин. Скотоводческая община должна иметь столько людских рабочих сил, чтобы в день вырыть себе колодец, достаточный для своего скота. Это определяет минимум аулов скотоводческой общины: она очень мала” (Букейхан 1927: 66). Отсюда формирование специфической социальной организации.

Довольно трудоемким являлся процесс извлечения воды из колодцев, тем более, что объем трудовых затрат зависел от глубины водосточника. Р. Капо-Рей отмечает, что номады считают нецелесообразным использовать колодцы глубже 30 м (Капо-Рей 1958: 196). Из колодцев глубже 12 м воду стремились поднимать с помощью различных механических средств (Ищенко и др. 1928: 61 – 62; Букейхан 1927: 67; Першиц 1961: 30; Зайчиков 1974: 92; Оразов 1979: 30 и др.). На обеспечение водой вручную из неглубокого колодца отары численностью в 600 – 800 голов требуется 2 – 3 часа в день (Чогдон 1980: 105). В среднем, один человек мог напоить 100 голов овец из колодца глубиной 30 – 40 аршин (Ахинжанов 1955: 113). Три человека из неглубокого колодца могли напоить в один час 20 – 50 голов крупного и 100 – 250 голов мелкого рогатого скота (Ищенко и др. 1928: 63). Из глубокого колодца при одном тягловом верблюде или лошади три человека в течение часа могли напоить 8 – 10 голов крупного или 40 – 100 голов мелкого рогатого скота (Ищенко и др. 1928: 64). При водопое больших стад работающим у колодца обычно помогали два человека для сдерживания стада. „Овец подгоняют к колодцу партиями в 15 – 20 голов, лошадей и верблюдов — не более 5 – 10 голов зараз” (Ищенко и др. 1928: 64).

При данном способе водопользования продолжительность пребывания у того или иного источника ограничивалась как качеством и количеством воды, так и запасами растительного покрова на близлежащем пастбище, охват которого зависел от расстояния оптимального выпаса различных видов скота и скорости их передвижения.

Так, средний радиус выпаса от водоисточника составлял для овец: весной — 4–6 км, летом — 3–5 км, осенью — 5–7 км; лошадей: весной — 6–9 км, летом — 5–8 км, осенью — 7–10 км; крупного рогатого скота: весной — 5–6 км, летом — 4–6 км, осенью — 5–6 км и т. д. (Ищенко и др. 1928: 68 и др.). При большой концентрации скота номады были вынуждены двигаться с максимальной скоростью, а продолжительность стоянок была незначительна. „Переходы зависят от расстояния между водопоями и от сезона. Проходя в среднем верст по 25–30, караван может делать до сорока переходов, с передышкой от времени до времени в один-два дня” (Фиельструп 1927: 104).

Очевидно, что расстояние между двумя крайними точками при данном типе кочевого хозяйства было наибольшим. Достаточно вспомнить широкоамплитудные кочевки адаевцев, табынцев, баганалинцев, покрывавших в течение года до 2000–2500 км. При этом они находились в процессе кочевания от 60 до 125 дней в году, а число безводных остановок доходило до 50. Весной они ежедневно проходили по 10–20 верст, а осенью — по 25–45 верст (Букейхан 1927: 66; Ищенко и др. 1928: 106; Брискин 1929: 39 и др.).

Естественно, что данный тип кочевого скотоводства оказывал большое влияние на хозяйственно-культурные и социально-экономические процессы в среде номадов. При интенсивной частоте передвижений и напряженном ритме кочевания, когда рабочее время практически полностью обуславливалось режимом кочевого хозяйства, времени на нескотоводческие занятия почти не оставалось.

В данных условиях, например, земледелие из-за отсутствия поверхностного стока и скотоводческой специализации было практически невозможно. Все хозяйственное время и производственные потребности покрывались нуждами и интересами кочевого скотоводства.

При этом вполне понятно, что в структуре стада преобладали более подвижные виды животных (лошади, верблюды и овцы; Фиельструп 1927: 82–104 и др.). Очевидно и то, что весь комплекс предметов материальной культуры полностью адаптирован к более интенсивному ритму кочевания (поселения на кратковременных остановках — аулы, жилища — преимущественно юрта и ее разновидности, иногда просто кереге, накрытые кошмами, пища — продукты скотоводства и т. д.). Весь образ жизни обусловлен данным режимом хозяйственных занятий (Букейхан 1927; Фиельструп 1927; Руденко 1927; Ищенко и др. 1928; Брискин 1929 и др.).

Не меньшее воздействие данный тип хозяйства оказывал на социальную организацию и про-

изводственные отношения в среде номадов. Доминирующее значение системы водопользования в процессе материального производства обусловило преобладающую роль так называемой расширенной общины.

„Два или три родственных пастушеских аула, — свидетельствуют источники, — круглый год кочуют вместе, сообща пользуются водопоем, пастбищами... сообща нанимают конного и верблюжьего табунного пастуха” (Букейхан 1927: 64). „Адаевский аул или община кочует всегда вместе в пути с юга на север или обратно, а летом на севере, зимою на юге кочует вместе, пока состояние пастбища благоприятствует этому, т. е. на данном пастбище добреют, нагуливаются все виды скота” (Букейхан 1927: 66–67).

Что же касается системы социально-экономических отношений, то здесь господствовали отношения собственности на воду. Труд, затраченный на создание искусственного водоисточника, определял доминанту общинного водопользования, а следовательно, и общинного землепользования (*Материалы...* 1903: 96, 98; *Материалы...* 1908: 90, 92–93 и др.).

„Шынграу, как и другие колодцы и водопои — такыры, как на кочевых путях и реки и речки на северной летовке, находятся в общем пользовании рода адай и табын, т. е. целого уезда, с той только разницей, что при прочих равных условиях шынграу первым пользуется тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии ближайшие его родственники, при отсутствии же их следующий по родству до самого Адая (18 колено)” (Букейхан 1927: 67–68). „Все преимущество лиц или родов, вырванных колодцы, заключается в очереди водопоя: хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь [...]” (Ищенко и др. 1928: 65).

В условиях ограниченности водных ресурсов, когда запасов воды в колодце едва хватало, чтобы напоить одну отару овец, право „первого водопоя” фактически означало монополию на воду некоторой группы лиц. Вследствие этого мы вправе говорить о строгой регламентации отношений собственности на воду и опосредствованно — также на землю, поскольку на необводненных пастбищах кочевание невозможно (Ахинжанов 1955: 113 и др.).

Таким образом, тип искусственного водоснабжения, существование которого было обусловлено засушливостью климата, отсутствием поверхностного стока, характеризуется значительными, особенностями как в плане организации процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства и системы кочевания (более подвижная структура стада, высокий процент верблюдов, ми-

нимальное число крупного рогатого скота, повышенный ритм, частотность и амплитуда миграций, кратковременность стоянок, отчасти круглогодичный цикл кочевков, абсолютно наибольшая доля трудовых затрат расходуется на обеспечение скота водой и т. д.), так и в аспекте материальной культуры и нескотоводческих занятий (минимальная роль стационарного жилища, почти полное отсутствие земледелия, рыболовства и т. п.).

Вследствие глубочайшей специализации данного типа хозяйства прослеживаются особенные черты и свойства в образе жизни, системе производственных отношений, социальной организации, психологии и ценностных ориентациях, порождающих высокий статус кошпелі (кочевника) и всеобщую тенденцию номадизации (см. в этой связи: Брискин 1920: 54 и др.).

Второй тип номадизма локализуется в степных зонах, предгорных и высокогорных районах, речных и околоозерных долинах и основывается на хозяйственном использовании водных источников естественного происхождения (рек, озер, карасу, ключей, болот и т. п.) и летних атмосферных осадков. Интересно, что кочевники-казахи, проживавшие в предгорной и низкогорной полосе, зачастую не имели о колодцах ни малейшего представления. Удельный вес хозяйств данного типа был особенно значителен в Восточном и Северо-Восточном, а также в степях Центрального Казахстана. Так, в Акмолинском уезде доля естественных водоемов в структуре водоснабжения превышала 66% (*Материалы...* 1909: 95).

Очевидно, что при кочевании вдоль водных артерий либо по водоразделам, либо от одного естественного водоема до другого интенсивность движения, особенно в предгорных районах, была гораздо меньшей, нежели при кочевании по колодцам. Это было обусловлено прежде всего большими запасами воды в естественных источниках, позволявших неоднократно поить скот; большей продуктивностью растительного покрова в степной и лесостепной зоне, предгорной и низкогорной полосе, обеспечивавшей большую кормовую емкость пастбищных ресурсов; большей густотой речной сети, наличием ключей, карасу и болот, не требовавших длительных и частых перекочевков и т. д.

Вследствие этого имеют место более продолжительные стоянки, а ритм кочевания носит более медленный и равномерный характер. Так, средний радиус кочевков в Акмолинском уезде не превышал 20 – 50 км в один конец, а количество остановок — 3 – 10 (*Материалы...* 1907, Таблицы Б, Е.). Кочевки в летний период года в среднем не превышали 12 – 15 верст в день (*Материалы...* 1902: XXIII). Иначе говоря, если для хозяйств первого

типа время пребывания у водоисточника определяется преимущественно запасами воды, то для второго типа — помимо воды — не меньшую роль играют кормовые ресурсы.

Таким образом, режим кочевания, интенсивность и ареал движения у одних определялся, главным образом, расположением колодцев и запасами воды в них, тогда как у других почти в равной мере диктовался целесообразностью системы выпаса и возможностью утилизации растительного покрова. Сравнение ритмо-режимных характеристик обоих типов номадизма в Казахстане показывает, что в первом случае выше время и интенсивность движения, тогда как во втором, наоборот, заметно выше время покоя.

При этом кочевники обоих типов могли дифференцироваться также по видовому составу стада. Так, например, в более плодородных районах с развитым поверхностным стоком, таких, как Актюбинском, Кустанайском и Павлодарском уездах, доля крупного рогатого скота была намного выше и составляла соответственно 33, 23 и 30%, а овец значительно меньше — 46,2, 44,6 и 38,3%, чем в Каркаралинском и Атбасарском уездах со значительно более засушливым климатом, в которых доля крупного рогатого скота составляла соответственно 10 и 8,7%, а овец — 68,8 и 64% (*Материалы...* 1902: XX).

Различия могут также прослеживаться в организации системы зимнего выпаса, в частности, для хозяйств первого типа более присуще пребывание в безводных и зачастую бесснежных местах, а, следовательно, круглогодичное кочевание (Курылев 1979 и др.). Для хозяйств второго типа свойственно стационарное зимование от 3 до 6 месяцев, а вследствие этого наличие большого числа стационарных жилищ, в частности каменных, деревянных, сырцовых и дерновых домов, а также таких предметов материальной культуры, которые не подлежали транспортировке и т. п.

Для рассматриваемого нами типа „естественного водопользования” присуще иное отношение к занятию земледелием и рыболовством, а также к различного рода промыслам и ремеслам. При кочевании по рекам и озерам вполне закономерно занятие различного рода нескотоводческими промыслами, особенно земледелием, которое получает известное развитие там, где природно-климатические условия благоприятствуют его культивированию (*Хозяйство...* 1980: 137 – 166 и др.). Очевидно и то, что при кочевании по колодцам говорить о занятии земледелием весьма проблематично.

Данный тип хозяйства, связанный с утилизацией поверхностного стока, характеризуется меньшими затратами кооперированных форм труда,

поскольку не было необходимости создавать и реконструировать искусственные источники воды, на что расходовалась наибольшая часть рабочего времени в экстрараидной зоне (Чогдон 1980: 105 и др.).

Несмотря на это, процесс обеспечения скота водой и в этом случае был достаточно трудоемким. Как свидетельствуют очевидцы, „из открытых водоемов пойка скота идет быстро, но при значительных партиях в 500 – 1000 овец требуется много усилий сдерживать скот и пускать его на водопой небольшими партиями. Обычно 2 – 3 человека в один час могут напоить от 300 до 500 овец”. Поили следующим образом: „В первую очередь небольшими партиями в 10 – 15 голов поят верблюдов, которые пьют очень осторожно, не входят в воду и не взмучивают ее. Во вторую очередь, так же партиями в 10 – 15 голов, поят лошадей, очень брезгливых ко взмученной воде, иногда лошадей по этой причине поят раньше верблюдов. Обычно лошади значительно взмучивают воду. В последнюю очередь, партиями в 15 – 20 голов, поят овец и коз, очень мало разборчивых к воде. Овцы и козы постоянно взмучивают воду ногами” (Ищенко и др. 1928: 64).

Вследствие этого имеют место и иные формы социальной организации, в частности общины. И если при кочевании по колодцам преобладала расширенная община, то во втором случае наблюдался паритет двух форм общины. В целом, кочевали большими группами хозяйств (Броневский 1830: 74). При этом размеры котана (отары овец) и коса (табуна лошадей) были значительно большими. Так, например, в Акмолинском уезде в группах, кочевавших в поймах рек, насчитывалось в среднем до 93,8 хозяйств, тогда как в группах, кочевавших в горах — 53,8, в степи — 37,8 хозяйств (*Материалы...* 1909: 131).

Что же касается системы социальных отношений и прежде всего отношений собственности, то в рассматриваемом нами случае также налицо значительная специфика. В отношении естественных водоемов действовало так называемое „право первозахвата” (Баллюзек 1871: 150–151; *Материалы...* 1908: 87, 93 и др.), согласно которому, пришедший на пастбище или к водоисточнику первым использовал их в интересах своего скота и никто не мог прикочевать к нему ближе двух верст. На этой основе формируется специфическая система социально-экономических отношений.

Иначе говоря, в районах с относительно развитым поверхностным стоком (реки, озера, ключи, карасу, болота и т. п.) функционирует помадный тип естественного водопользования. Специфические черты и признаки его прослеживаются как в сфере производства (особенности системы кочевания, организации процесса водопользования и скотоводческого хозяйства, выпаса и практики нескотоводческих занятий и т. д.), так и в образе жизни (иная структура затрат рабочего времени, большая концентрация трудовых и материальных ресурсов, преобладание стационарного жилища и оседлого зимования и т. п.). Налицо дифференциация в формах социальной организации, поскольку ниже доля коллективного труда по организации системы водоснабжения; иные формы общественных отношений, в частности, господство „права первозахвата” и т. д. А отсюда и отличия в психологии и системе ценностных ориентации.

Таким образом, анализ жизнедеятельности кочевников-казахов со всей очевидностью свидетельствует, как минимум, о наличии двух типов кочевого скотоводческого хозяйства, дифференциация которых обуславливалась различиями в характере водообеспечения. С одной стороны, в засушливых районах имеет место тип искусственного водообеспечения с помощью каптажа водных ресурсов из подземных горизонтов. С другой, в условиях относительно развитой озерно-речной сети в степной, предгорной и горной зонах культивируется тип естественного водопользования. Различия складываются из неадекватной системы организации общественного производства и неодинаковых затрат на водообеспечение.

На этой основе формируется специфическая комбинация социо-культурных признаков. В зависимости от характера системы водопользования происходит дифференциация в формах скотоводческого хозяйства, структуре стада, соотношении различных форм коллективного труда, направленности и ареале, протяженности и ритмо-режимных характеристиках процесса кочевания, культивировании нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия и т. п. Вследствие этого прослеживаются особенности в формах социальной организации, системе социально-экономических отношений и отношений собственности, а также в материальной культуре и ценностных ориентациях (Масанов 1989 и др.).

Summary

**NOMADISM AND PASTORALISM:
PROBLEMS OF TYPOLOGY AND CONTRASTATIVE ANALYSIS OF ESSENTIAL CONCEPTS**

I. The question of typological research is one of the most complex in the social sciences as well as in particular, in the investigation of nomadic forms of cattle breeding. In this respect first of all, it is necessary in terms of typology, to differentiate mobile forms from those that are not mobile, stationary and sedentary. The main difference here is that in the first instance, cattle either in the course of the whole year or in the course of separate seasons have access to a natural food and water resource base and the logical development of all societies is determined by the importance of search for food and water and the essential importance of cattle reaching these.

In this regard, ecological factors of seasonality of harvests and the vegetation cover zone together with cyclical climatic conditions of the general balance of moisture, distribution of solar radiation, together with the presence of the gradual mineralisation of water sources as well as the availability of other essentially resources in the natural environment, dictate and define the dynamic and nature of nomadic cattle farming as well as all the workings of the functioning of its economy and culture. In other words, food and water resources are so limited, dispersed and segmented that they do not allow to be exploited other than by bringing cattle to them.

In the other example, food resources on the contrary, are so plentiful and so concentrated in one place that it is possible fully and most rationally to prepare and bring them to where the cattle are — and water is not a scarce resource. In this instance the logic of a community's development in principle differs from that of nomadic forms of cattle farming. Investigations of this question strongly differentiate also the time and extent of work expended towards securing food and water resources for cattle and therefore contrasts the organisation of all structures of social output, forms of social organisation and the structure of social relations.

Hence, the fundamental difference in this regard lies in the fact whether in nomadic conditions, society in its resources of the surrounding environment in time just as in space principally and passively limits man's ability to influence the environment to a minimal extent — where any activity in the sphere of economy and culture is brought about by some productive adaptation. In the other example, the community is much more active, relatively independent and is able to significantly regulate to a greater degree the quality and quantity of typical food resources by means of securing and organising the extent of work.

II. In turn, in terms of mobile forms of cattle farming it is essential to first of all differentiate nomadism, from a pasto-

ral approach to raising animals. In its classical understanding, nomadism represents a typologically active adaptation of systems for year-round functioning by means of an active search for food and water resources as well as other conducive natural environment and climate conditions. The most important feature of nomadism is that in the process of travelling from place to place and caring for animals, almost all of the nomadic community is involved and the greatest part of time spent on work and energy spent is involved in securing food and water for livestock.

In essence, pastoral cattle farming fundamentally differs from nomadism as presented, in two main aspects. First, in the process of seasonal migrations the entire community does not need to be involved but some part of it, in the main, men and youth whilst the remainder, the elderly, women, children and the ill — do not need to be involved at all in seasonal migrations. Secondly, the migrations of nomads are of a year-round and permanent nature in point of fact — as in the case of pastoral communities they become involved in the process of travelling, though locally, sporadically, without planning and only in separate times of the year.

III. The analysis of nomad Kazakh communities most clearly demonstrates at least two types of nomad cattle raising economies whose differences were dictated by differing means of securing water. On the one hand, in arid regions there took place a type of man-made securing of water, aided by the means of piping the water from underground levels. On the other hand, in conditions relating to the development of lake-fluvial networks in the Steppe, foothills and mountainous zones, there was development of a type of natural drawing of water. In this regard the differences result from an inadequate system of organising community output and differing approaches to securing water.

On this basis a specific combination of socio-cultural features is formed. Depending on the nature of the system of water use there occurs a differentiation in the forms of cattle farming economies, the structure of the group, relationship of various forms of collective work, direction and area, extent and the rhythm and routine of the nomadic process, development of non-nomadic activity and above all, the cultivation of land and related activities. The research of this is contrasted in particular in the forms of social organisation, in the system of socio-economic and ownership relationships as well as in the material culture and, the community's awareness of values (e.g. Масанов 1989).

Translated by Ryszard J. Reisner

Литература

Ахинжанов М.Б. 1955 *Выступление, (в:) Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период*, Ташкент, 112 – 114.

Баллюзек Л. 1871 *Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона, (в:) Записки Оренбургского отдела Русского географического общества*, Вып. 2, Оренбург, 45 – 167.

- Басилов В.Н. 1973 *Хозяйство западных туркмен-емудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования*, (в:) *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*, Ленинград, 172 – 206.
- Бларамберг И.Ф. 1848 *Военно-статистическое описание земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды*, Оренбургского ведомства, Отд. II, Санкт-Петербург.
- Брискин А. 1929 *Степи казакские*, Кзыл-Орда.
- Броневский С. 1830 *Записки о киргиз-кайсаках Средней орды*, „Отечественные записки”, Ч. 43, Кн. 123.
- Букейхан А. 1927 *Казаки Адаевского уезда*, (в:) *Казаки. Антропологические очерки*, МОКИСАР, Вып. 3, Ленинград, 59 – 82.
- Гельдыханов М. 1973 *О формах и способах добычи воды в пустыне Каракумы*, (в:) *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*, Ленинград, 75 – 79.
- Грязнов М.П. 1955 *Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири*, „Краткие сообщения Института этнографии”, Вып. 24, Москва, 19 – 29.
- Зайчиков В.Т. 1974 *Юго-Западная Азия: природные ресурсы и развитие сельского хозяйства*, Москва.
- Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К. 1928 *Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда*, Ленинград.
- Капо-Рей Р. 1958 *Французская Сахара*, Москва.
- Курьлев В.П. 1979 *Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов*, (в:) *Проблемы типологии в этнографии*, Москва, 166 – 173.
- Масанов Н.Э. 1989 *Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии*, (в:) *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*, Алма-Ата, 55 – 81.
- Материалы... 1902 *Материалы по киргизскому землепользованию*, Т. II, Воронеж.
- Материалы... 1903 *Материалы по киргизскому землепользованию*, Т. IV, Воронеж.
- Материалы... 1907 *Материалы по киргизскому землепользованию*, Т. III, Ч. I, Санкт-Петербург.
- Материалы... 1908 *Материалы по киргизскому землепользованию*, Т. XII, Чернигов.
- Материалы... 1909 *Материалы по киргизскому землепользованию*, Т. III, Ч. II, Чернигов.
- Объедков Ю.Л. 1986 *Формирование естественных ресурсов подземных вод аридных районов на примере Долиноозерского артезианского бассейна МНР*, Москва.
- Одум Ю. 1975 *Основы экологии*, Москва.
- Оразов А. 1979 *О типологии источников водопоя в Центральных и Юго-Восточных Каракумах*, (в:) *Очерки этнографии населения Южного Туркменистана*, Ашхабад, 20 – 36.
- Певцов М.В. 1951 *Путешествие по Китаю и Монголии*, Москва.
- Першиц А.И. 1961 *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.*, Москва.
- Плетнева С.А. 1967 *От кочевий к городам*, Москва.
- Плетнева С.А. 1982 *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*, Москва.
- Поletaев И.С. 1875 *Записка*, (в:) *Записки Оренбургского отделения Русского географического общества*, Вып. 3, Санкт-Петербург, 2 – 3.
- Пуляркин В.А. 1982 *Экологические аспекты хозяйственного развития в засушливых областях Южной Азии*, (в:) *Развивающиеся страны. Природа и человек*, Москва, 147 – 165.
- Радченко Г.Ф. 1983 *Страны Сахеля*, Москва.
- Руденко С.И. 1927 *Очерк быта казаков бассейна рек уила и Сагзы*, (в:) *Казаки*, Ленинград, 7 – 32.
- Толыбеков С.Е. 1971 *Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв.*, Алма-Ата.
- Толыбеков С.Е. 1959 *Общественно-экономический строй казахов в XVII – XIX вв.*, Алма-Ата.
- Турсунова М.С. 1977 *Казахи Мангышлака во второй половине XIX века*, Алма-Ата.
- Фиельструп Ф. 1927 *Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казакстана*, (в:) *Казаки*, Ленинград, 78 – 107.
- Хазанов А.М. 1975 *Социальная история скифов*, Москва.
- Хозяйство... 1980 *Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX вв.*, Алма-Ата.
- Чогдон Ж. 1980 *Обводнение пастбищ: на примере МНР*, Москва.
- Шилов В.П. 1975 *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*, Ленинград.